

Номинация: Репортаж

Название СМИ: Коммерсантъ

Автор: Александр Черных, корреспондент

Название статьи: Нас никто не спросил, хотим ли мы в микроволновке жить

Ссылка на материал: <https://www.kommersant.ru/doc/3336336>

Пять минут пешком от метро «Павелецкая» — и уже ничего не напоминает о том, что ты в пяти километрах от Красной площади. Стоит только пробраться через бело-зеленые лабиринты заграждений на перекопанных центральных улицах, как обнаруживаешь себя в совершенно другом мире. В пустых переулках стоят давно выселенные семи- и пятиэтажные дома; от них за несколько метров пахнет затхлой сыростью. Дверь в подъезд и оконные проемы заварены решетками, которые никого не останавливают — если просунуть голову сквозь ржавые прутья, увидишь на стене мертвой комнаты странное граффити поверх покрытых плесенью обоев: «Маяковский терпел и нам велел».

Напротив, через дорогу, виднеются вообще какие-то графские развалины, заботливо прикрытые от городского начальства брезентом — как водится, с нарисованными окнами. Еще через несколько метров развернута стройплощадка с бетонными блоками, из которых торчит порыжевшая арматура. Выцветший информационный щит обещает, что «строительство объекта» закончится в 2016 году.

Все эти здания в программу реновации не попали. Но в них хотя бы никто не живет.

Тетя Шура заботливо встречает меня в самом начале Дербеневской улицы – «иначе заблудитесь». Действительно, карты на смартфоне не могут точно определить дом №14, хотя он стоит здесь уже больше века.

— Немец Зингер построил, в 1907 году, — рассказывает она. — А может и раньше, я точно не знаю. У нас тут висела над входом чугунная табличка с датой, но упала несколько лет назад. Хорошо, никого не зашибла.

Немца, положим, звали Циндель – но все остальное верно. В 1840-ых года он взял под управление местную мастерскую по набивке ситцев, которая быстро стала одной из ведущих мануфактур в России. Предприятие настолько разрослось, что в 1908 году пришлось строить несколько домов для рабочих. В 1918 году фабрика «Эмиль Циндель» была национализирована и с тех пор называлась просто «Московская ситценабивная фабрика». Когда в 1983 году тетя Шура приехала из Узбекистана в Москву, она устроилась работать на фабрику и получила комнату в общежитии – временно, как ее уверяли. Фабрика давно прекратила производство, а ее бывшие работники так и живут в дореволюционном здании.

— У нас в доме все приезжие, все в Москве прожили по 30-40 лет. Им и вернуться некуда – они там уже чужие. И здесь, получается, своими не стали, — вздыхает тетя Шура, открывая массивную дверь подъезда. – Ладно, пойдете, покажу наши места обитания.

Внутри дом выглядит относительно неплохо: широкие чугунные лестницы, высокие потолки, просторные лестничные клетки – их можно даже назвать холлами. Но за дверями квартир скрываются дореволюционные фабричные общежития. Узкий коридор – двум людям уже не разминуться – от которого отпочковываются три крохотные комнатки. В каждой комнате живет семья. Кухня, душ и туалет – общие.

— Потолки у нас высокие, 3,5 метра в жилых комнатах, это да, — кивает Нина. — А кроме этого – никаких достоинств. Что толку в высоких потолках, если они обваливаются. Все трубы сгнили за сто лет. Вот посмотрите – у нас в душевой воздухоотвод обвалился. Хорошо, что никто не мылся – а то убило бы. Ну что, пришла жилищная инспекция, акт составили и все. А вот туалет посмотрите – полы деревянные, все прогнило, проваливается.

Нина приехала в Москву из Тамбовской области, отучилась на аппаратчика термообработки, устроилась на ситценабивную фабрику, в 1987 году заселилась в общежитие.

— Сначала три года числилась на временном койко-месте, потом поставили на постоянное проживание в общежитие, — говорит Нина. — Тогда же поставили в очередь на улучшение жилищных условий – комната маленькая, поэтому государственная фабрика обещала скоро дать квартиру.

Нина держалась за фабрику до последнего – ее сократили только в 2003 году, хотя производство остановилось гораздо раньше:

— На бирже труда два года простояла, потом сама нашла работу в типографии, сейчас вот на заводе «Аванагрд».

Дальше Нина рассказывает ту же историю, что и жители десятков других бывших общежитий в разных районах Москвы:

— Когда наш дом от фабрики забрали в муниципальную собственность, то общежитие перевели в статус коммунальной квартиры. Ремонт не сделали, ничего не починили, просто сказали – теперь вы не в общежитии живете, а в коммунальной квартире. И всех перевели на соцнайм, — говорит она. — Но при этом к нашим реальным квадратным метрам приписали виртуальные – расчертили общие коридоры, кухни. Так и вышло, что на бумаге у нас площадь комнаты увеличилась, жилищные условия как бы улучшились – и с очереди нас всех снимали. А как мы живем – посмотрите сами. Конечно, мы за реновацию, но вот наш дом туда не включили.

Алиса из 14 квартиры («Приехала из Башкирии, живу в этом доме 30 лет») готовит ужин на общей кухне:

— Года три назад потолок над туалетом рухнул, унитаз полностью забился. Мы обращались в жилищник, писали везде – ноль реакции. Никто ничего не сделал, — говорит она. — А вот какие трубы на кухне. Им же по сто лет, они все сгнили, они текут. Мы даже боимся сами чинить тут краны, потому что все лопается, стояки трескаются. Мы вызываем специалистов, нам делают пластиковые вставки – а трубу в другом месте прорывает. Прошлым летом канализацию три раза прорвало за один месяц.

— Трещины такие в стенах, что все расходится. И посмотрите какая проводка, — показывает Алиса куда-то под потолок. Там в темноте виднеется переплетение проводов, покрытых паутиной, и давно потухшая запыленная лампочка. — Мы вызывали электриков из нашего ДЕЗа, просили что-то сделать. Так электрик посмотрел и сказал – “Не, я туда не полезу, страшно. У вас там протекает все, провода старые – безопасно починить не получится”. Поэтому мы выходили на митинг за реновацию. Но нам знаете, что в управляющей компании сказали? Ваш дом сто лет простоял – ну и еще сто лет простоит». Я иду к двери, и вдруг участок пола в коридоре проминается так глубоко, что на секунду кажется – сейчас провалюсь на этаж ниже.

Марина Лесина («Я с Рязанской области, заселилась в 1982 году») чистит в коридоре туфли – личная комнатка маленькая, поэтому обувь хранится в ящике в общем проходе.

— В МФЦ мы по документам до сих пор указаны как общежитие. И на работе я посмотрела базы данных по страхованию – там мы тоже общага. В паспорте у меня прописка в комнате, в документах на жилье указана квартира. В общем, темный лес.

— Мы когда жировку оплачиваем, там указан капремонт, — добавляет тетя Шура. — Хотя какой может быть капремонт, если дому больше 100 лет?

— А я спросила в МФЦ, куда уходят мои деньги за капремонт? Я одна живу, плачу 600 с чем-то рублей, — говорит Марина. – Мне девчонки отвечают – “Ой, а мы не видим. Куда переводят другие

платежи — все расписано. А куда за ваш капремонт переводят, не указано в документах”. Очень выгодно для кого-то».

Мы выходим из дома, тетя Шура собирается показать второй корпус, но у подъезда уже дежурит группа женщин, услышавших, что «приехал корреспондент». Тут же поднимается гвалт.

— Вы куда идете? Вы к нам идите!

— Да вот второй корпус хотела показать, потом ваш...

— Второй отлично живет, ты давай сразу наш показывай. Хуже нашего корпуса в Москве никто не живет! Заходите, если не боитесь!

Нас чуть ли не насильно тащат к двери. «Вы их извините, люди измучились тут жить, у девчонок нервный срыв уже», — виновато шепчет тетя Шура. Мы заходим в темный подъезд, тускло освещенный одной лампочкой. Здесь уже нет шикарных чугунных лестниц — зато на полу приварен металлический лист.

— Мы сами наварили, потому что все прогнило, тут дыра в подвал была, — торопится объяснить одна из женщин.

— А вы тоже с фабрики?

— Конечно! — хором отвечают они. — Тут чужих нет, мы все девушки фабричные, как из песни.

— Я сама в Казахстане родилась, но там начались проблемы, казахи стали русских во всем обвинять, стрелять начали... Вот в 1987 году пришлось уехать в Москву, — начинает рассказывать Ирина. — Стала работать на фабрике, дети уже здесь выросли, так всю жизнь тут и живу.

В пятом корпусе три жилых этажа, на каждом 30 жилых комнат. Душевая – одна на всех. На весь дом. Мы подходим к ней к ней по темному коридору («Вот посмотрите на стену, это не грязь, это грибок вылез!»), как вдруг голоса женщин перекрывает какой-то шум. Все замолкают, кто-то настороженно открывает дверь. На полу душевой комнаты лежат массивные куски штукатурки, только что упавшие с потолка. Через пару секунд очки запотевают – хоть в душе никого нет, но трубы протекают, и на пол льется горячая вода, от которой поднимается пар.

— Вот здесь мы и моемся. Не представляете, какие по вечерам очереди выстраиваются с полотенцами и тазиками. На третьем этаже девочки смогли себе душевую коробочку поставить в туалете, а мы вот здесь.

В туалетной комнате один на весь этаж унитаз, отгороженный кафельной стенкой:

— Заходите, посмотрите, не стесняйтесь, мы же не стесняемся тут в очереди по 30 человек стоять, — говорит Ирина. — XXI век, люди в космос летают — а мы вот так живем в столице.

Деревянные перекрытия потолка над унитазом гниют, и жильцы боятся, что этот участок потолка однажды обвалится им на головы:

— Ну а что поделать — перенести унитаз нельзя, конструкция труб не позволяет.

— Вот и стены наши в грибочке, вот и трубы наши гнилые, — обводит рукой общую кухню одна из женщин. — Посмотрите, два года назад нам тут стены покрасили. И что — через несколько месяцев грибок вылез, снова разъел штукатурку.

— Да ладно стены, это косметика все, — перебивает ее соседка. — А трубы-то, трубы! Трубы никогда не менялись в доме за сто лет. Все прогнило.

— Подвал затоплен, у нас комары даже зимой летаю. И блошки какие-то скачут, кусают. Зоопарк, а не дом...

— А вот посмотрите окна, — подзывает другая женщина. — Рамы деревянные, все рассохлись, закрыть невозможно. Зимой холод собачий из-за этого.

— Под нами метро проходит, мы ночью даже на втором этаже чувствуем, как поезда ходят... И вот эта вибрация свое дело делает, дом ходуном ходит!

— А квартплата у нас как в отдельной хорошей квартире, — высказывает кто-то самую обидную претензию, и остальные возмущенно шумят, соглашаясь. — Вот я проживаю с ребенком на 29 квадратных метров — и плачу 4800 в месяц. Потому что мы не можем счетчик отдельный поставить, поэтому нам в конце месяца просто делят общую воду на всех. Получается 11 кубов на человека, вы представляете? Мы целыми днями работаем, приходим к ночи — ну когда бы мы успевали столько воды потратить? Бассейн у нас тут, что ли?

— Мы вызывали людей из ЖЭКа, — объясняет Ирина. — Они посмотрели и сказали — у вас трубы старые, гнилые, сюда счетчик невозможно поставить. Платите как есть.

— Теть Шур, но все-таки, почему люди здесь не могут хотя бы внешний ремонт сделать сами, почему так некрасиво живут? — тихо спрашиваю я.

— Пытались делать, пытались. Но вот покрасишь ты стену — через месяц протечка, вся краска сошла. Покрасил — снова затоп. У нас весной каждый день затоп, шпаклевка не держится. А потом — ну вот что ты с гнилой трубой сам сделаешь? С грибком на стенах? С одним туалетом на этаж? Ничего тут не поделать. Вот у людей руки и опускаются постепенно... Мы поэтому и хотим эту... реанимацию. Больше ста лет дому, сколько можно уже.

По пути к выходу мне дают строгий наказ «достучаться до чиновников». «У нас очередь в душевую, очередь в туалет, очередь в кухню – только на улучшение жизненных условий очереди нет», — вздыхает кто-то. «Вот начали реновацию – но мы не понимаем, почему хотят переселять хорошие дома с отдельными квартирами, — высказывает Ирина общую боль; все кивают, соглашаясь. — Я по телевизору видела, там люди борются, чтобы их дом не сносили, митинги даже собирают. А нам приходится бороться за то, чтобы эту реновацию на нас распространили!».

Уже прощаясь, тетя Шура показывает на новенькое техническое здание, стоящее неподалеку от фабричного общежития.

— Вот подстанции недавно построили — одну здесь, другую с той стороны дома, — говорит она. — Теперь мы зажаты между ними, а это вредно, наверное. Но нас никто не спросил, хотим ли мы в микроволновке жить. Просто начали стройку. Незаконно, наверное...

— Ну как незаконно, что ты говоришь, — искренне удивляется Ирина. — Это же государство строило. Разве государство может что-то незаконно делать?